

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

люди искусства

ПОСТОЯНСТВО

С. ФИХ

Недели за три до открытия Всероссийского фестиваля спектаклей, посвященного столетию со дня рождения А. М. Горького и проводившегося на его родине, Николай Александрович Левкоев оступился и повредил ногу. Скорого возвращения в строй врачи не обещали, но Левкоев настаивал на самом интенсивном лечении, убеждая их, что к началу фестиваля должен во что бы то ни стало быть на ногах и играть Луку.

Появился в театре за два дня до спектакля, заметно прихрамывая, опираясь на палку.

— Ничего особенного! — сострил кто-то из актеров, — спускаясь в подвал, старец Лука оступился на костыльских ступеньках и теперь прихрамывает, с клюкой ходит... Новая красна...

— Клюка у Луки, конечно, есть, — отшутился Левкоев, но для дорог, а не для домашнего пользования, и оступаться ему весьма нежелательно. Он ведь даже не член профсоюза и по больничному не гуливал...

...Фестивальный спектакль еще не кончился, когда в последнем антракте я зашел в гримировочную Левкоева. Роль была отыграна, и он разгримировывался. Правая нога, заметно отекавшая, была разута.

— Не помните, кто сказал, что боль есть представление о боли? Ведь верно! Вы заметили, что у Луки нога была в полном порядке?! — торжествующе спросил он, — а вот у Левкоева она разболелась... — И поморщился — «Я никогда не позволял себе распускаться. Я держал себя в руках». Это слова Эрнесто Росси. Неплохо сформулировано одно из важнейших правил актерского поведения. Как думаете?

А я думал о том, что Левкоеву идет семьдесят седьмой, и сколько раз, выходя на горьковскую сцену, он вот так же умел подавлять в себе все, так сказать, приватное, мешающее жить в роли и настраиваться на нужное психофизическое самочувствие. Каким же по счету был этот его спектакль, участие в котором принесло ему вскоре премию имени К. С. Станиславского?

Горьковский академический театр один из старейших: ему сто семьдесят пять лет. Его история отмечена крупными актерскими именами, но во все годы никто не служил ему так долго и преданно, как народный артист РСФСР Николай Александрович Левкоев. Сорок шесть лет. Почти полвека. Своего рода рекорд актерского долголетия, постоянства, преданности театру — одному-единственному, своему театру!

О Левкоеве я писал несколько раз, но только теперь впервые спросил его прямо, без обиняков, чем, какой смолой приклеило, припечатало его именно к этому театру.

Он ответил, не задумавшись, сразу, будто ждал именно такого вопроса:

— В Нижний Новгород я приехал по приглашению Н. И. Соболевского-Самарина, которого знал еще по началу своей актерской работы, когда в 1920 году, простившись с четвертым курсом медфака Киевского университета, вступил в труппу Соловцовского театра. Потом были Одесса, Житомир, Чернигов, Орел... Все, как полагалось «перелетной птице»...

Выдвинув ящик массивного, рудный старинный работы письменного стола, над ко-

торым висит портрет Соболевского, Николай Александрович достал перевязанную тесемкой пачку писем, развязал ее и, найдя нужное, протянул мне:

«Золотых гор вам не сулю, но работой будете довольны... В Орле вы на первом положении, в Нижнем на ваше амплуа есть актеры старше вас, кое в чем вам придется их дублировать».

— Кто из провинциальных актеров отказался бы от работы с таким режиссером, как Соболевский-Самарин? Приехав в Нижний, — продолжал Николай Александрович, — я быстро понял, что по силе художественного руководства, по высокому профессионализму любовно-подобранной труппы, по удивительной чистоте и разительности творческой атмосферы другого такого театра нет. Мне по крайней мере не встречалось. А от добра добра не ищут. Вот такая «смола»...

Он приехал в Нижний в 1927 году.

Труд актера конкретен, и каждому предпочтительнее, чтобы дублировал не он, а дублировали его. Достичь этого легче в труппе слабой, и сильных конкурентов иные актеры боятся. Левкоева они не остановили. Вскоре его имя встало в один ряд с любимцами нижегородской публики — А. Хованским, С. Муратовым, Г. Георгиевским, Г. Гореловым...

Тихон в «Грозе», Столбик во «Вредном элементе» В. Шкваркина, Вурм в «Коварстве и любви», боцман Коба в «Гибели эскадры» А. Корнейчука, Перчихин в «Мещанах»... А в середине тридцатых годов на долю Левкоева выпадает честь впервые в истории горьковского театра создать образ В. И. Ленина в пьесах Н. Погодина «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты».

В общей сложности сыграно в Горьком около трехсот ролей самых разнообразных, диапазон которых настолько широк, что сам по себе дает представление о творческой индивидуальности артиста. Какие роли удавались лучше?

Зрители безудержно смеялись над его Шмагой, но у многих на глазах навертывались слезы, когда погибал в кулацкой засаде трогательно беззащитный, быстрый и звонкоголосый сельсоветский сторож Федосей из горбуновского «Ледолома». Воплощая характеры и остро драматические, и комедийные, Левкоев был непременным участником всех этапных спектаклей, созданных театром на протяжении почти полувека.

Но более всего, пожалуй, он актер Островского и Горького. Мир этих драматургов хотя и различен, но хорошо памятен ему по годам детства, проведенным на окраине Тамбова. В тесную мастерскую его отца, слесаря-бытовика, заходили мещане и чиновники, лавочники и «странные люди». До сих пор помнит он, как каждый из них ходил, разговаривал, слушал.

К лучшим ролям своим он шел от реального прототипа. Его Перчихин тоже был «подсмотрен» в детстве, оставшись для тех, кто его видел, воплощением добросердечия, простодушия и неистребимого жизнелюбия. Скольким задорным ликования было в его птичнике, когда, узнав о любви Нила к Полине, он пускался в пляс, сопровождая незамыслова-

тые колесца звонкой бесхитростной припевкой: «Поля мила подцепила...» Он и сам был похож на беззаботную, вольную птицу — шустрый, бойкий, певучий. Со времени тех собольщиковских «Мещан» прошло много лет, и я повидал немало разных спектаклей по этой горьковской пьесе, но всякий раз при выходе Перчихина перед глазами возникал птичник тех далеких, тридцатых годов, будто просвечивая сквозь многолетние наслоения.

В «Дачниках», поставленных Н. Покровским, Левкоев играл Суслова. Он был корректен, респектабелен, в меру надменен, этот образчик российского нищепанца, инженер Суслов. Крупные, холодноватые, пристальные глаза на выхоленном лице. Брезгливые, не очень спокойные руки. Во всем рисунке роли, в ее психологической разработке и несколько жестковатой пластике проступало страшное цинизмом своим нутро ненавистного М. Горькому дипломированного российского мещанина новой формации.

Однажды Вл. И. Немирович-Данченко заметил, что актер — прокурор образа. К творческой манере Левкоева это очень подходит: он всегда знает, какого «приговора» добиваться от публики для своего персонажа, и в этом тоже одно из проявлений гражданской позиции актера-коммуниста.

Воспитанный в традициях русского сценического реализма с его вниманием к социально-бытовому обстоятельству, Левкоев не признает сценического образа без особенки, без выразительных частных, без яркого, определяющего человеческого характера штриха. «Копилка» жизненных наблюдений Николая Александровича неиссякаема. Стремясь на сцене к достоверности безусловной, он скрупулезен в гриме, реквизите, костюме, точно зная, что именно ему нужно для данной роли. Места случайностям или ошибкам здесь быть не может.

Достаточно было увидеть, как его старик Забродин («Ленинградский проспект» И. Штока) отсчитывает неизвестные деньги на домашние расходы, чтобы понять, что этот патриарх рабочей династии слишком хорошо знает цену трудовому рублю и «мотовству», расточительности нынешней молодежи не потянется.

Иногда обилие живых наблюдений вносимых в образ, вдруг оборачивалось для актера помехой. Наслаиваясь одна на другую, детали загромождали характер настолько, что, обремененный ими, он начинал как-то оседать под их грузом, расплываясь в своей главной сути. Тогда начинался процесс, обратный репетиционному и более трудный, — требующая мужества и воли расчистка образа, освобождение его от допущенного перебора. Так, например, было с одним из лучших левкоевских созданий — Яковлевым из «Фальшивой монеты» М. Горького. Поначалу, на премьере, в характеристике одноглазого часовщика не было той целостной выстроенности, какая появилась на последующих спектаклях: мешал излишек подробностей.

Левкоев играл жадно и много, и тем не менее актерская работа никогда не была в состоянии поглотить всей энергии этого трудолюбца. В паре с ней всегда шла театральная педагогика. Левкоевских учеников можно увидеть в любом из горьковских театров. Ученики пишут ему из Ленинграда, Одессы, Архангельска, Львова, Астрахани, Чебоксар. Есть они и в Москве — М. Зимин, Е. Евстигнеев, Л. Хитяева. Любопытная особенность: отношения с учениками с годами не охлаждают, а теплеют. Большое видится на расстоянии... Что казалось молодежи суховатым педантизмом, со временем стало рассматриваться, как верность принципам и высокая требовательность. А вообще-то Левкоев чем-то похож на тех дотошных мастеров старой закалки, про которых говорили: «Хоть и помучит, да зато уж научит».

Теперь иные из его учеников уже на пенсии.

Сам же Николай Александрович из театра не уходит. Не может уйти. Его творческая жизнь продолжается. Мамаев («На всякого мудреца довольно простоты»), Редозубов («Варвары»), Крисип («...Забудь Герострата!» Гр. Горина) — в этих ролях его можно видеть сегодня.

Кое-кто поговаривает, что, мол, хватит, пора, сколько можно. Ведь за восемьдесят.

Но Левкоеву без театра нельзя. И не только без театра — ему нужны, необходимы каждодневные вэзовские заботы об актерской учебе, смотрах, семинарах, фестивалях народных театров. У отделения ВТО, которое он возглавляет вот уже тридцать лет, нет своего помещения, и в квартиру старого актера идут, как в оперативный штаб. А телефон на письменном столе не умолкает.

Такова жизнь, и покой ему не снится.

ГОРЬКИЙ.